

Библиография

- Бестужев-Рюмин К.Н. Предисловие // Ешевский С.В. Сочинения по русской истории. М., 1900.
- Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/15v.html> (последнее обращение: 09.03.2015).
- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.
- Загоскин Н.П. Библиографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. Казань, 1900.
- Ильина К.А. Научная аттестация в университетах Российской империи в первой половине XIX века: между корпоративной солидарностью и политической лояльностью // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета; Казань, 27-29 ноября 2014 г.; составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014.
- Корсаков Д.А. Иванов Николай Алексеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. «Ибак-Ключарев».
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева. М.: Издательский дом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2013.

Руднева Яна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, Институт развития образования Республики Татарстан, г. Казань; ya.rudneva@rambler.ru

N.A. IVANOV AND V.I. GRIGOROVICH: PROFESSORS OF «UVAROV'S DRAFT»

This article provides a detailed analysis of the historical episode, related to the defense of the dissertation by V. I. Grigorovich at Kazan University. According to the author the circumstances of the defense alongside testifying to a conflict between V.I. Grigorovich and his opponent professor N.A.Ivanov's personal interests, reveal the relations between University corporation and state officials.

Key words: N.A. Ivanov, V.I. Grigorovich, Kazan University, Derpt University, University corporation, corporate culture, academic performance appraisal.

Rudneva Yana Borisovna, Candidate of History, Institute for Educational Development of the Republic of Tatarstan; ya.rudneva@rambler.ru

УДК 94(470):929"18"

Костина Т.В.

К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ С.С. УВАРОВА: СЛУЧАЙ О.М. БОДЯНСКОГО И В.И. ГРИГОРОВИЧА¹

В статье рассматривается неудачная попытка министра народного просвещения С.С. Уварова поменять местами профессоров Московского университета О.М. Бодянского и Казанского В.И. Григоровича. Изучение эпизода на архивных материалах наглядно демонстрирует характерные положительные и отрицательные черты кадровой политики Уварова.

Ключевые слова: О.М. Бодянский, В.И. Григорович, кадровая политика, Министерство народного просвещения, В.П. Молостов, попечитель, славяноведение в России, С.С. Уваров.

Деятельность Сергея Семеновича Уварова на посту министра народного просвещения (1833–1849) в настоящее время подвергается переоценке². Представляется, что одним из важнейших достижений его управления университетами была кадровая реформа, проведенная в 1835–1837 гг., когда была заменена треть кадрового состава профессоров и адъюнктов университетов³.

Курс на радикальное обновление профессорских корпораций был взят министерством при предшественнике Уварова, князе К.А. Ливене. В результате Уварову достался отличный кадровый резерв, состоящий преимущественно из молодых специалистов, подготовленных в Профессорском институте в Дерпте и при II Отделении Е. И. В. Канцелярии. Завершали свое образование они в зарубежных стажировках. В аналогичные по-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ: МК-5957.2014.6.

² Булгакова Л.А. Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 2004. С. 124-134; Андреев А.Ю. Идеи немецкого классического университета и формирование университетской политики С.С. Уварова // Петр Андреевич Зайончковский. Сб. статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 280-302; Костина Т.В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегальная» реформа С.С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / ред. Е.А. Вишленкова и И.М. Савельева. М., 2013. С. 212-238.

³ Костина Т.В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 гг. // Уроки истории – уроки историка. Сб. статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996). СПб., 2012. С. 234-242

ездки отправлялись и другие молодые преподаватели, по одному и небольшими партиями, на протяжении всего времени управления министерством Уваровым. Все стипендиаты при этом обязывались подпиской прослужить по ведомству Министерства народного просвещения, по меньшей мере, 12 лет¹.

Это давало Уварову возможность назначать профессоров в тот университет, в который он считал нужным влить свежие силы, а также переводить преподавателей из одного университета в другой по мере необходимости. Постепенно для такого способа конструирования корпораций утвердился даже специальный термин – перемещение. Если до конца 1840 года Министерство занималось в отношении кадрового состава профессоров тем, что определяло, награждало и увольняло, то с 1841 года в официальных отчетах публикуются еще и перемещения².

Попытке такого перемещения О.М. Бодянского из Московского университета в Казанский, а В.И. Григоровича, наоборот, из Казанского в Московский в 1848 г., и посвящена данная статья. Эта несостоявшаяся рокировка представляется интересным примером, сквозь призму которого видны черты особого стиля управления университетами министром С.С. Уваровым. В многочисленных мелких обстоятельствах дела, помешавших осуществить принятое решение, раскрываются недостатки внешне довольно успешной кадровой политики Уварова.

Основным источником для статьи послужила переписка министра, в том числе конфиденциальная, с попечителями учебных округов (Казанского и Московского) и О.М. Бодянским, сохранившаяся в РГИА³. Приводимые сведения имеют определенное значение для биографии В.И. Григоровича.

Известно, что Виктор Иванович Григорович успел побывать профессором трех университетов: Казанского, Московского и Одесского. Но если про его занятия в Казанском и Одесском университете мы знаем довольно много⁴, то о его кратковремен-

ном профессорстве в Москве информация в исследовательской литературе обычно сводится к цитированию А.И. Кирпичникова о том, что «в 1849 г. полезная деятельность Г. в Казани была прервана переводом его в Москву, на место Бодянского. В Московском университете, которому он был в известной степени навязан, Григорович чувствовал себя очень неловко и почти не читал лекций»¹.

Вместе с тем остается не вполне проясненным вопрос: почему магистр Григорович, назначенный исполняющим должность экстраординарного профессора Московского университета 28 октября 1848 г., оказался в Москве только в сентябре 1849 г., а уже 12 декабря 1849 г. был возвращен в Казань исполняющим должность ординарного профессора. Упомянутая переписка дает исчерпывающие ответы на эти вопросы.

Известно, что по Общему университетскому уставу 1835 г. в четырех русских университетах были созданы кафедры истории и литературы славянских наречий. На первое время их заняли историки как представители смежных наук: М.Т. Каченовский в Москве и М.И. Касторский в Петербурге. Но это не отменяло проблемы качественной подготовки славистов, для чего и были отправлены в путешествия по славянским землям в качестве министерских стипендиатов П.И. Преис от Петербургского университета, И.И. Срезневский от Харьковского, О.М. Бодянский от Московского и В.И. Григорович от Казанского². Как и другие стипендиаты министерства, за вложенные в их путешествие средства они были обязаны подпиской о 12-летней службе. После возвращения из путешествий они приступили к преподаванию в означенных университетах.

События, предшествующие опале О.М. Бодянского, подробно исследованы М.М. Фроловой³. Причиной для недовольства Уварова Бодянским послужила т.н. «Флетчеровская история», – попытка издания Обществом истории и древностей Российских

¹ Об избрании студентов из Университетов Московского, С.-Петербургского, Казанского и Харьковского для приготовления в Профессоры // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2: 1825-1855. СПб., 1875. Ч. 1. Стлб. 108.

² См.: Журнал Министерства народного просвещения. Ч. I–XXVI. СПб., 1834–1840.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9. Л. 77.

⁴ См., например: Линниченко И.А. Профессор Виктор Иванович Григорович: к столетию со дня рождения. Одесса, 1915. 20 с. (Отд. отт. из газ.: «Одес. новости». 1915. № 9693); Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 211–230; Макарова (Недашковская) Н.И. Из истории первых университетских научных школ славяноведения в России: наследие В.И. Григо-

ровича // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. Вып. 2. С. 24–35.

¹ Кирпичников А.И. Григорович Виктор Иванович // Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IXa: Гравилат-Давенант. СПб., 1893. С. 717.

² Мыльников А.С. Оформление славяноведения как научной и учебной дисциплины // Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д.Ф. Марков, В.А. Дьяков. М., 1988. С. 82–87.

³ Фролова М.М. О.М. Бодянский и Императорское общество истории и древностей российских (1842–1857) // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009. С. 217–231.

(Бодянский был его секретарем), перевода «Записок» английского посла Дж. Флетчера, изданных в Англии в 1591 г.

Не вдаваясь в подробности конфликта министра С.С. Уварова и попечителя С.Г. Строганова, проявившегося не без участия профессоров Московского университета М.П. Погодина и С.П. Шевырева, перейдем к описанию тех мер, которые были предприняты по отношению к О.М. Бодянскому и уже в связи с этим – к В.И. Григоровичу.

Прежде всего О.М. Бодянский немедленно оставил должность секретаря Общества. Однако на этом дело для него не закончилось. Московская «Флетчеровская история» разворачивалась на глазах и с непосредственным участием С.С. Уварова, т.к. с 10 сентября до 7 октября Уваров находился в Москве. Между прочим, там он по своему обыкновению слушал лекции профессоров. Можно, однако, только гадать, имело ли место при принятии последующих решений личное впечатление Уварова от лекций О.М. Бодянского.

Вернувшись в Петербург, Уваров запросил в Департаменте народного просвещения справку на В.И. Григоровича. Такая справка с описанием подготовки к службе и указанием на то, что «Григорович дал обязательство прослужить, по возвращении из-за границы в звании преподавателя, по назначению начальства, не менее двенадцати лет» была предоставлена министру 23 октября 1848 г. Вследствие этого Уваров счел возможным написать на этом документе свою резолюцию: «Бодянского переместить в Казань¹, а Григоровича в Москву, на твердых основаниях»².

Новые назначения были оформлены и сообщены в письмах от 28 октября попечителям Казанского учебного округа В.П. Молоствову и помощнику попечителя Московского учебного округа кн. Г.А. Щербатову, заменявшему попечителя Д.П. Голохвастова в его отсутствие³.

¹ Подчеркнуто С.С. Уваровым. – Т.К.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9. Л. 1.

³ В настоящее время в историографии получило распространение заблуждение о том, что Московский учебный округ в это время возглавлял С.Г. Строганов, якобы потерявший место попечителя в связи с «Флетчеровской историей» (Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001. С. 207–208; Петров Ф.А. Строганов Сергей Григорьевич <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Profess/Ststrog.htm> (дата обращения: 19.03.2015); Цыганков Д.А. Старое и новое в университетских конфликтах // XVIII Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. Т. 2. Москва, 2008. С. 77). Это, однако, не соответствует действительности, и, вероятно, связано с ошибочным отнесением письма об отставке Строганова от 3 ноября к 1848 г. вместо 1847 г. Такая ошибка вызывает

Уваров, однако, не учел одного обстоятельства. Хотя из дел департамента было видно, что Бодянский, отправляясь в заграничное путешествие, дал подписку «прослужить, по возвращении из-за границы, в должности Преподавателя в *Московском университете* не менее 12 лет»¹, на момент принятия решения это было то ли не замечено, то ли проигнорировано Уваровым. В ответ на известие о своем назначении 19 ноября Бодянский написал министру пространное письмо, в котором подробно описывал, что состояние его здоровья не позволяет ему служить где-либо, кроме Москвы и всегда ухудшалось в путешествиях.

Он живописал ужасы, которые могут постигнуть его в случае выполнения распоряжения Уварова: «Теперь я должен, по предписанию Вашего Сиятельства, отправиться в далекую Казань, которая, будучи почти на 2000 верст отдаленнее на Восток, не только не может заменить, столько благодетельного для меня климата Москвы, но еще, разоренная в последние годы несколько раз страшными пожарами, приводит меня в ужас при одной мысли, что я могу, подобно некоторым из тамошних профессоров (напр. Ковалевскому <...>), лишиться в городе, получившем в наше время такую печальную известность, своей библиотеки, простирающейся почти до 10000 томов и составляющей, по кафедре Славян. наречий, полнейшую после библиотеки Чешского народного Музея в Праге и единственное мое сокровище. Но пусть всего ужасает меня во всем этом то обстоятельство, что весть о перемещении моем в Казань сразит мою бедную мать, старушку слишком за 60-т лет, которая, потеряв только прошлым годом своего мужа, и оставаясь на моих руках, не вынесет удара, постигшего ее сына»².

удивление, тем более что в другой работе Ф.А. Петрова фигурируют документы, указывающие на 1847 г. как на год отставки Строганова (Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. М., 2003. С. 463). В действительности, Строганов возглавлял учебный округ с 1 июля 1835 г. до 20 ноября 1847 г. (Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. 1850–1864. СПб., 1867. С. IV). Благодарю К.А. Ильину и А.М. Феофанова за помощь в выяснении этого вопроса.

¹ Там же. Л. 3.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9. Л. 10–10об. Бодянский не преувеличивал значения своей библиотеки. См., например: Аристова Л.Ю. Концепция учебной библиотеки на примере «славянской библиотеки» О.М. Бодянского // Вісник Одеського національного університету = Вестник Одесского национального университета. 2008. Т. 13. Вип. 8: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. С. 273–278.

Далее в этом письме Бодянский, понимая, что вследствие недостаточно прозорливой политики министерства он является редким специалистом, в котором Московский университет нуждается, просит у Уварова места в Москве, уверяя, что будет доволен даже должностью приходского учителя.

Уваров в ответ поспешил заявить, что осторожная подписка Бодянского, которую допустил Строганов, не может быть основанием отказа от назначения в Казань, тем не менее согласился отправить его в отставку сперва с сохранением обязательства дослужить позднее срок, положенный по подписке, а после особой просьбы Строганова, переданной через графа А.Ф. Орлова в середине января 1849 г., Уваров и вовсе освободил Бодянского, числящегося в это время уже исполняющим обязанности ординарного профессора Казанского университета, от службы в ведомстве по упомянутой подписке. Таким образом, у Бодянского отпала необходимость ехать в Казань.

По своему обыкновению, Уваров в случае с Бодянским предоставил ему все возможные преференции, связанные с окончанием службы по его ведомству: он получил единовременный годовой оклад жалованья 1420 руб. 60 коп. серебром (хотя покровители Бодянского пытались хлопотать и о не положенном ему назначении пенсии «по сокращенным срокам») и чин коллежского советника со старшинством от 29 октября 1848 г.

В это же время в Казани попечителем Молостковым принимались шаги по сохранению для своего университета исполняющего обязанности экстраординарного профессора В.И. Григоровича.

Нужно сказать, что Молосткову крайне не повезло быть попечителем далекого от центра России учебного округа в период, когда Министерство стягивало лучшие преподавательские силы в Москву и Петербург. Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева и А.А. Сальникова отмечают: «Особенно острое положение с научными и преподавательскими кадрами сложилось в 1840–1850-е годы, вследствие «столичноцентристской» политики министра народного просвещения С.С. Уварова, стянувшего в Москву и Петербург лучших педагогов страны»¹. С.А. Фролова, рассматривая Казанский университет при попечителе В.П. Молосткове, также пришла к выводу, что профессора в этот период стремились

преподавать в столичных университетах¹. За первый год управления Молостковым округом, начавшегося 22 мая 1847 г., Казань покинули или готовились покинуть экстраординарный профессор по кафедре технологии, химик Н.Н. Зинин, ординарный профессор политической экономии И.Я. Горлов, исполняющий должность экстраординарного профессора ветеринарных наук Ф.А. Брауель и ординарный профессор теоретической хирургии А.А. Китер.

Григорович же, имея обширную библиотеку и, по-видимому, не желая осложнять отношений с Бодянским (имея в виду крайне незначительное в то время число славистов в России), сам пожелал остаться в Казани. Молостков, памятуя об этом, предпринял все возможные административные шаги для его оставления. Узнав о том, что Бодянский не торопится оставлять Москву для службы в Казани, Молостков, не ставя об этом в известность Уварова, отправил Григоровича 8 декабря 1848 г. в 28-дневный отпуск, в надежде выиграть время для решения этого вопроса в переписке.

6 января 1849 г. попечитель писал Уварову: «Дошедший до меня слух, что <...> Г. Бодянскому, обстоятельства едва ли дозволят переместиться в Казань, производят во мне опасение, что кафедра Славянских наречий, недавно здесь основанная, надолго останется не занятой. В короткое время управления моего Университетом, он лишается уже четвертого Профессора, из которых каждый, начав в Казани свое учение поприще, оставляет заведение именно в то время, когда зрелость его суждений, обдуманность взгляда и приобретенная опытность делали его наиболее полезным»². В этом письме Молостков просил только дать Григоровичу времени дочитать семестр, чтобы один из его студентов мог заменить его.

Однако, выдержав паузу, 7 мая 1849 г. Молостков вновь обратился к Уварову, подчеркивая, что «Московский Университет имеет более Казанского средств к занятию упраздненной кафедры Славянских наречий»; что преподавание Григоровича «по совершенному отчуждению здешнего края от всякого даже отдаленного знакомства с сродными Славянскими наречиями, столь необходимого для основательного изучения нашего собственного языка, принесет здесь важную пользу»; что «удаление Г. Григоровича <...> ослабит еще более потрясенный потерю

¹ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis*: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 89.

¹ Фролова С.А. Казанская ветвь дворянского рода Молостковых (вторая половина XVIII в. – 1861 г.). Дисс. ...канд. ист. наук. Казань, 1998. С. 178–179.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9. Л. 18.

столь многих достойных членов, состав вверенного мне Университета» и что «Казанский Университет, на счет которого он приготовился к настоящему своему назначению, более других имеет право ожидать от него вознаграждения»¹.

Как видно из конфиденциального письма Уварова Голохвастову от 2 июня 1849 г. именно это письмо Молодцова заставило министра изменить свое решение. Он писал: «Имея в виду, что Казанский Университет в непродолжительное время лишился многих из своих Профессоров и еще может лишиться, я затрудняюсь отказать в изъясненном ходатайстве генерал-майора Молодцова. <...> Профессор Бодянский мог бы быть ныне, хотя на первый раз частно, вновь допущен к преподаванию по кафедре, которую он прежде занимал в Московском Университете»².

Казалось бы, после этого Григоровичу должны были сообщить о возможности остаться в Казани. Однако этого не произошло, вследствие чего 21 августа 1849 г. он вместе с вещами и библиотекой выехал в Москву.

Вызывает вопрос обращение Уварова к Голохвастову, который формально с 22 апреля 1849 г. находился в отставке. Вскоре, в октябре 1849 г., последовала и отставка Уварова, на место которого заступил его помощник, князь П.А. Ширинский-Шихматов. Смена руководства Московским учебным округом завершилась только 1 ноября 1849 г. с назначением попечителем генерал-майора В.И. Назимова. Уже при нем, через помощника князя Г.А. Щербатова и получило окончательное разрешение дело Бодянского. Последний отнес в своем дневнике переговоры о восстановлении на кафедре в прежней должности к 18 декабря 1849 г.³ Судя по документам министерства, восстановление в должности состоялось 4 декабря⁴.

Уже в конце декабря Щербатов объяснил Ширинскому-Шихматову, почему Молодцова не уведомили о планирующемся возвращении Бодянского на кафедру: после того как Голохвастов донес до Бодянского предложение Уварова от 2 июня о частном преподавании, а Бодянский отказался от такой формы сотрудничества с университетом, Голохвастов, в связи со своей отставкой, сообщил об этом Уварову не официальным доноше-

нием, а частным письмом от 22 июня. А поскольку письмо было частным, то оно не стало известным Ширинскому-Шихматову¹.

Таким образом, от Григоровича, его отношений с профессорами Московского университета или качества его лекций в этой истории абсолютно ничего не зависело. После того, как ситуация прояснилась, он уехал в Казань, куда прибыл к своей должности 8 февраля 1850 г. В то же время Ширинский-Шихматов со своей стороны решил компенсировать ему неудобства двух переездов, вызванных столичными административными нестроениями. Для этого он избрал способ, к которому, по моему мнению, Уваров никогда бы не прибегнул, а именно: 12 декабря 1849 г. назначил Григоровича исправляющим должность ординарного профессора².

История о неудачной рокировке, закончившаяся для обоих профессоров преференциями (Бодянский получил чин, а Григорович – повышение в должности), показывает характерные черты кадровой политики Уварова, его стиля управления. Для него был характерен некоторый волонтаризм, он лично занимался конструированием профессорских корпораций в России. Его действия при этом обсуждались обычно только с попечителями, зачастую в частной переписке.

Поскольку целью Уварова являлось выстраивание сильных научных коллективов, то министерство не жалело денег на подготовку необходимых для этого специалистов, в том числе славяноведов. Их тщательно отбирали и готовили к занятию кафедр. Одновременно все министерские стипендиаты обязывались подпиской о 12-летней службе, обычно не имеющей никакой географической привязки. Случай с Бодянским был исключением, и его поставили в вину Строганову. Разработанная Уваровым новая организационная форма (перемещение министерством профессоров из одного учебного учреждения в другое), повышала географическую мобильность ученых в России. Стипендиаты образовывали своеобразный кадровый резерв, которым министр на протяжении долгого времени мог распоряжаться по своему усмотрению. Он, однако, был чрезвычайно ограниченным, т.к. стипендиаты специализировались в определенных науках, а Уваров сам ранее требовал от попечителей, «чтобы профессора были назначены к кафедрам по главным их предметам, а не по вспомогательным, которым они исключительно себя

¹ Там же. 57 об.

² Там же. Л. 59-60.

³ Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 г.г. Сообщил И.Ф. Павловский // Русская старина. 1888. Т. LX. Ноябрь. С. 397.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9. Л. 65.

¹ Там же. Л. 70–72 об.

² Там же. Л. 67.

не посвящали»¹. В ситуации становления славяноведения таких специалистов оказалось слишком мало, чтобы министр мог себе позволить пожертвовать даже одним из них.

Библиография

- РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9: «Дело о назначении возвратившихся из-за границы: кандидата О.М. Бодянского ординарным профессором университета и действительного студента Харьковского университета В.И. Григоровича экстраординарным профессором Казанского университета, об увольнении проф. О.М. Бодянского и назначении ему пенсии». 23 октября 1848 – 30 декабря 1849. 77 л.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 183: «Дело о преобразовании Казанского университета по новому уставу и штату, в том числе пересмотре и изменении состава профессоров». 15 августа 1835 – 11 октября 1837. 181 л.
- Об избрании студентов из Университетов Московского, С.-Петербургского, Казанского и Харьковского для приготовления в Профессоры // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2: 1825-1855. СПб., 1875. Ч.1. Стлб. 107–111.
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. 1850–1864. СПб., 1867. VI с., 1068 стлб., 124 с., 50 стлб.
- Андреев А.Ю. Идеи немецкого классического университета и формирование университетской политики С.С. Уварова // Петр Андреевич Зайончковский. Сб. статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 280–302.
- Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 240 с. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 16. Сер. III: Instrumenta studiorum. Ч. 7).
- Аристова Л.Ю. Концепция учебной библиотеки на примере «славянской библиотеки» О.М. Бодянского // Вісник Одеського національного університету = Вестник Одесского национального университета. 2008. Т. 13. Вып. 8: Библиотечное знание, библиографоведение, книгознание. С. 273–278.
- Булгакова Л.А. Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 2004. С. 124–134.
- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 498 с.
- Кирпичников А.И. Григорович Виктор Иванович // Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IXа: Гравилат-Давенант. СПб., 1893. С. 717.
- Костина Т.В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–37 гг. // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Маарголиса (1930–1996) / сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 234–242.
- Костина Т.В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная» реформа С.С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / ред. Е.А. Вишленкова и И.М. Савельева. М.: ИД НИУ Высшая школа экономики, 2013. С. 212–238.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 183. Лл. 13–13 об.

- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрика», 2005. 847 с.
- Линниченко И.А. Профессор Виктор Иванович Григорович: к столетию со дня рождения. Одесса, 1915. 20 с. (Отд. отт. из газ. «Одес. новости». 1915, № 9693).
- Макарова (Недашковская) Н.И. Из истории первых университетских научных школ славяноведения в России: наследие В.И. Григоровича // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. Вып. 2. С. 24–35.
- Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 г.г. Сообщил И.Ф. Павловский // Русская старина. 1888. Т. LX. Ноябрь. С. 395–416; 1889. Т. LXIV. Октябрь. С. 123–141.
- Петров Ф.А. Строганов Сергей Григорьевич. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Profess/Ststrog.htm> (дата обращения: 19.03.2015).
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. М., 2003. 584 с.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д.Ф. Марков, В.А. Дьяков. М.: Наука, 1988. 400 с.
- Фролова М.М. О.М. Бодянский и Императорское общество истории и древностей российских (1842–1857) // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009. С. 217–231.
- Фролова С.А. Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых (вторая половина XVIII в. – 1861 г.). Дисс. ...канд. ист. наук. Казань, 1998. 278 с.
- Цыганков Д.А. Старое и новое в университетских конфликтах // XVIII Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. Т. 2. Москва, 2008. С. 74–78.

Костина Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург; tanyabizyaeva@ya.ru

ON FACULTY POLICY OF EDUCATION MINISTER S.S. UVAROV: THE CASE OF OSIP BODJANSKY AND VIKTOR GRIGOROVICH

In 1848 Russian minister of Education Sergei Uvarov tried, with almost no result, to reciprocally swap two young professors of Slavic languages, Osip Bodjanski (who held chair in Moscow) and Viktor Grigirovich (in Kazan). The study of this case is indicative in both positive and negative features of the policy that Uvarov applied to manage faculties of Russian universities.

Key words: Osip Bodjansky, Viktor Grigorovich, Faculty Policy, Ministry of Education, Vladimir Molostvov, University Curatorship, Slavic Studies in Russia, Sergei Uvarov.

Kostina Tatiana Vladimirovna, Candidate of History, Senior Researcher, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; tanyabizyaeva@ya.ru